

ТВОРЦЫ ПОБЕДЫ

ОТ РЯДОВОГО ДО МАРШАЛА

Полковник СИМОНОВ

28 ноября Константину Михайловичу Симонову исполнилось бы 70 лет. Возможно, кто-то из читателей удивится заголовку этого очерка «Полковник Симонов». Не вернее ли: писатель Симонов, поэт Константин Симонов? Но в год сорокалетия Победы нам показалось справедливым рассказать об этом человеке на нашей традиционной полосе «Творцы Победы: от рядового до маршала» и тем самым напомнить читателю, что у поэта, писателя, драматурга Симонова было и воинское звание.

Разведка боем

Один из авторов этой публикации впервые встретился с Константином Михайловичем Симоновым в августе 1939 года за рекой Халхин-Гол у сопки Ремизова, где наши войска, выполнявшие интернациональный долг, помогали армии Монгольской Народной Республики в отпоре японским агрессорам.

Накануне Симонов прилетел из Москвы с напарником в армейскую газету «Героическая красноармейская». Редактор поручил вывести его на передовую писателю Владимиру Ставскому. На командный пункт полка они пришли часов в одиннадцать утра. Один — пожилой, с крупными чертами лица, другой — совсем юноша, в защитной форме без знаков различия и в больших кирзовых сапогах.

В небе появились японские бомбардировщики. Все поспешили в окоп. Один Симонов остался наверху. Он растерянно смотрел на приближающиеся самолеты и, видимо, затруднялся принять решение. Прыгнуть в окоп? А вдруг сочтут трусом? Раздался громкий голос Ставского, старшего по званию:

— Константин, немедленно прыгай к нам!

...Еще там, на Халхин-Голе, начались солдатские дороги Симонова. Он писал под огнем стихов, очерки, статьи. И мужал, словно готовясь к новым большим испытаниям.

Из воспоминаний К. СИМОНОВА: «Когда-то, молодым человеком, попав в Монголию, я услышал там первые на моей памяти выстрелы, и увидел первые смерти, и, пораженный этим, написал:

Никак не можем помириться с тем,
Что люди умирают не в постели,
Что гибнут вдруг, не дописав поэм,
Не дожив, не долетев до цели...»

Великую Отечественную Константин Симонов встретил, уже зная, что такое враг, что такое смерть.

Вспоминает поэт ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ: «Мы на второй день войны выехали на разные фронты, но с одинаковым предисловием: «Для выполнения специального задания правительства» (такой текст на бланке остался, видимо, от прежних времен в командировку), а перед тем вместе ходили в райком и получали партийные билеты. В дальнейшем мы не раз встречались на фронте — в Сталинграде, на Курской дуге, на Днепре, при освобождении Польши и, наконец, в Берлине — не только на пылающих улицах, но и в здании Инженерной школы в Карлсхорсте, при подписании капитуляции...»

Из военного дневника СИМОНОВА: «...23-го с утра был в паркомате. Потом вместе с Долматовским был в райкоме партии. Перед отъездом на фронт стал кандидатом партии — секретарь райкома вручил мне партийный документ. Выписали документы — ехать в армейскую газету Третьей армии в Гродно. Получил обмундирование, оружие не дали, сказали: достанете на фронте! В вешевом бейгаузе попросился с другими писателями, ехавшими на фронт. Примерная военную форму, шумели, пожалуй, даже слышно. В этот день развешивались первые двадцать человек. Нервничали.

...Огромность фронта мне пришлось испытать на своей шкуре. Выбравшись из окружения под Могилевом и вернувшись в редакцию, я отправился на крайнюю южную точку фронта — в осажденную Одессу, а оттуда на крайнюю северную точку — под Мурманск. На севере, на Мурманском участке фронта, меня держали особенно долго...»

Вспоминает заслуженный работник культуры РСФСР, бывший военный корреспондент ТАСС, старший лейтенант в отставке ЕВГЕНИЙ ХАЛДЕЙ, автор более ста фотоснимков, запечатлевших Константина Симонова: «...Мы познакомились в октябре 41-го на Северном флоте, Мурманское направление. С ним тогда был фотокорреспондент Миша Берштейн. Это с него Костя писал Байштейна в «Живых и мертвых». Они еще с Халхин-Гола дружили и всю войну были вместе, пока не погиб Миша под Харьковом...»

Помню, в ночь на 7 ноября Костя ухитрился первой в жизни разведкой. А вел группу Мотозина, знаменщик на весь Северный флот Степан Мотозин. Помните строчки: «Разведчик, с которым я в финнам ходил», — это про Степана Мотозина».

Рассказывает бывший разведчик СТЕПАН МОТЗИНИН, проживающий ныне в городе Урюпинске: «Вспомню я ушел его в октябре сорок первого года. Меня вызвали в штаб и сказали, что предстоит побеседовать с корреспондентом «Красной звезды», который будет писать статью о разведчиках. Я, конечно, заволановал, но меня успокоили: ему можно говорить все. В ответной для беседы комнате мы познакомились с корреспондентом, которым и оказался Константин Михайлович Симонов. А спустя несколько дней я узнал, что мне предстоит вместе с Симоновым идти в разведку с боем. Было это 7 ноября 1941 года. В ту памятную ночь мы с Костей вражеский склад с продовольствием. Когда возвращались на базу — а ночь была тихая, лунная, — видели зарево пожара и слышали грохот взрывающихся на складе баллонов с ацетиленовым газом. «Ну вот мы и устроили праздничный фейерверк», — сказал тогда Симонов.

Новая встреча произошла через двадцать лет после Победы. Я и не думал, что знаменитый писатель будет помнить меня — простого солдата, разведчика, каких на своем пути фронтового корреспондента за годы войны он встречал тысячи, поэтому и не напоминал ему о себе. Симонов сам размыслил меня!»

Вспоминает ИВАН СВИСТУНОВ, бывший сотрудник многотражной газеты полуострова Рыбачий «За честь Родины»: «С первых дней войны полуостров Рыбачий оказался отрезанным от Большой земли. С трех сторон — море, с четвертой — враг. Сообщение со своими — только по воде и по воздуху и в любом случае под артиллерийским огнем. Первым проложил к нам дорогу Константин Симонов. При знакомстве с писателем и сообщил, что при редакции многоотражной на общественных началах работает литературная группа. Мы быстро договорились о творческой встрече в редакции. Это был, пожалуй, самый «северный» тогда литературный вечер! Засиделись допоздна. Гости заборасали самыми различными вопросами: о стихах, о положении на фронте... Потом пошла очередь и до стихов. Их читали самые активные авторы многотражной. Знакомство с нашими местами оказалось плодотворным и для самого Симонова. На страницах газеты «Красная звезда» вскоре появились его яркие, волнующие очерки, которые прямо-таки «открыли» читателям героический «Гранитный дикий», как в годы войны окрестили наш полуостров».

«Для меня главной школой жизни оказалась армия. Так было со мной, так было — если говорить о людях нашей профессии — со многими многими писателями и журналистами... В 1942 году мне было присвоено звание старшего батальонного комиссара. В 1943 году — звание подполковника, а после войны — полковника».

К. СИМОНОВ. (Из автобиографии).

«Жди меня...»

Из воспоминаний КОНСТАНТИНА СИМОНОВА: «В самом начале войны на Западном фронте я написал стихотворение «Жди меня». Дело в том, что я очень не любил писать писем. Но тогда, когда было тяжело и одиноко, я писал стихи, которые в сущности были не чем иным, как неподправленными письмами к женщине, которая была очень далеко от меня... Когда я попал на несколько дней в Москву, я подарил ей эти стихи взамен писем, которых она от меня не получила. Я считал, что эти стихи — мое личное дело, касающееся только меня и ее. Но потом, несколько месяцев спустя, когда мне пришлось быть на далеком Севере и когда метели и непогоды иногда заставляли просиживать сутками где-нибудь в землянке или брезентовом домике, в эти часы, чтобы скоротать время, мне пришлось самым разным людям читать стихи. И самые разные люди при свете керосиновой лампы или при свете фонаря переписывали на клочке бумаги стихотворение «Жди меня», которое, как мне раньше казалось, я написал только для одного человека».

Из истории публикации «Жди меня», рассказанной К. СИМОНОВЫМ: «...Однажды, в конце января или начале февраля сорок второго года, я шел по правительскому коридору из машинного бюро с листками только что отпечатанной после возвращения с фронта корреспонденции, встретил редактора «Правды» Петра Николаевича Поспелова, и он затанцевал меня к себе в кабинет попить чаю... На этот раз разговор зашел не о поэзии, а о стихах. Поспелов сетовал, что за последнее время в «Правду» что-то мало несут стихов и, возможно, поговорить кругом да около, спросил его прямо — нет ли чего-нибудь подходящего у меня? Я сначала сказал, что нет.

— А мне тут товарищи говорили, что вы им читали как-то стихи?

Я неуверенно сказал, что вообще-то стихи у меня есть, но не для газеты, и уже во всяком случае не для «Правды».

— А почему не для «Правды»? — вдруг загорячился Петр Николаевич. — Откуда вы знаете, может быть, как раз и для «Правды»?

Я пожал плечами, уверенный, что прав всегда я, а не он, и после некоторого колебания прочитал одно из стихотворений, казавшееся мне уж вовсе неподходящим для «Правды» и начинавшееся строчкой «Жди меня, и я вернусь...».

Когда я дочитал стих до конца, Поспелов вскочил и забегая по кабинету, глубоко засунув руки в карманы своего синего ватника.

— А что, — вдруг, к моему удивлению, сказал он, — по-моему, хорошие стихи. Давайте напечатать их в «Правде», почему бы нет? Только

вот у вас там есть одна строчка — «желтые дожди»... Ну-ка, повторите мне ее.

И, все еще не переставая удивляться, повторил ему строчку:

«Желтые дожди...»

— Да, вот почему «желтые»? — спросил Петр Николаевич.

Я не мог ему этого объяснить, во всяком случае логически.

— Знаете что, — сказал Поспелов, — давайте посоветуемся еще с Емельяном Михайловичем.

Он позвонил по телефону, и через несколько минут к нему в кабинет вошел седоголовый и седусый Емельян Михайлович Ярославский в накиннутой на плечи шубе. В кабинете редактора, надо сказать, было тогда так же холодно, как и во всей остальной редакции. Ничуть не теплее.

Я прочитал стихи Ярославскому. Он внимательно выслушал их и сказал:

— По-моему, хорошо.

— А вот, как вам кажется, Емельян Михайлович, «желтые дожди» — почему «желтые»? — апеллировал к нему Поспелов.

— А очень просто, — сказал Ярославский. — Разве вы не замечали, что дожди бывают разного цвета, в том числе бывают и желтые, когда почвы желтые, песчаные...»

Потом эти два уже пожилых человека в третий раз попросили меня прочесть мои стихи о любви. И я с молодым задором — мне только что стукнуло тогда двадцать шесть — прочел им стихи еще раз, и еще, послушав их, дружно, азартно махнули руками и сказали: «Будем печатать!» А на следующий день стихи «Жди меня» появились в «Правде».

Рассказывает А. РУБАШКИН (Ленинград): «Я запомнил фотографии молодого, красивого Симонова. Были в них лихость, бесстрашие и самоуверенность. «Жди меня» сделало его не только широко известным поэтом, он сразу стал знаменитым. Стихи-заклинание, стихи-надежда. В сборнике Константина Симонова, выпущенном «Библиотечкой поэта», оно занимает страницу. В собрании сочинений его надо искать. Но не затеряться ему в русской поэзии нашего века.

«Жди меня, и я вернусь, только очень жди...» Конечно, и сегодня понимаешь, какие это стихи, но зимой 1942-го это стихотворение переписывали бойцы в окопах и землянках и посылали своим любимым от себя лично».

С «лейкой» и блокнотом

В поведении Симонова, в манере его разговора, в отношениях с нами, его товарищами, не было ни тени превосходства или каких-либо других признаков головоуверования от успехов. Он

тому из авторов этого очерка пришлось однажды вместе с К. М. Симоновым писать фронтовую корреспонденцию для «Красной звезды». На этом настоял сам Константин, заявив:

— Были вместе, все обладали вместе. Выступим в газете на пару, это будет честно.

Начисли, отправили. А ночью Симонов уехал на Южный фронт.

И вдруг на следующий день меня позвали к прямому проводу. В Москве у аппарата был главный редактор Д. И. Ортенберг. Он телеграфировал:

«Вы сделали большую ошибку, поставив вместе с Симоновым свою подпись под корреспонденцией. Вообще неприлично корреспонденту называться в соавторы такому видному писателю, как Симонов. Никто не поверит, что вы вместе писали. Не повторяйте подобных ошибок впредь».

И материал действительно опубликовали за подписью одного Симонова. Я не возражал. Но вечером получил телеграмму уже от Константина:

«Возмущен самоуправством редакции. Сообщил об этом Ортенбергу, просил извиниться перед тобой. Будь здоров. Твой Костя».

Позднее и в самом деле пришла извинительная телеграмма от редактора.

Вот таким он был, Константин Михайлович Симонов.

Из воспоминаний главного редактора газеты «Красная звезда» генерала Д. ОРТЕНБЕРГА: «...Симонов стал не только любимым поэтом на фронте, но и популярным журналистом. Читатели правились его суровые, мужественно-сдержанные военные очерки. Их ждали и читали с необычайным интересом. А в редакции его любили еще за безотказность и смелость.

Я видел Симонова в Сталинграде в сентябрьские дни и в ночь сорок второго года среди пылающих кварталов города и на первой линии огня в батальонах и ротах. Я помню его и под копытами по 38-й армии, такого же бесстрашного и отчаянного. Он все настаивал, чтобы его пустили дальше и дальше: из полка — в батальон, из батальона — в роту, пока ему не сказали: «Дальше некуда, дальше — немцы!» Симонов был одним из первых писателей, награжденных в Отечественную войну орденом Красного Знамени».

Рассказывает ленинградский очеркист ГЕОРГИЙ ГОРДЕЕВ: «Еще в Эльште он приметил группу бойцов, среди которых выделялся статью высокий могучий парень с загорелым, обветренным лицом и русыми волосами. Это был Семен Школенко, в прошлом горный мастер, а на войне — разведчик. Он и стал героем первого сталинградского очерка Симонова «Солдатская слава».

У писателя всегда было жестким правилом все увидеть своими глазами, быть не только очевидцем, но и участником событий. С чужих слов он не писал».

Свидетельствует бывший комиссар бригады, впоследствии генерал-полковник В. А. ГРЕКОВ: «Симонов трудился над книгой долго — всю осень сорок третьего года. Работал до изнеурения — так что врачи признали у него нервное истощение и на две недели отправили в санаторий. Такая напоялась за годы войны «сталость». Отдельные главы публиковались кусками на страницах «Красной звезды», а полностью «Дни и ночи» были напечатаны в журнале «Знамя», сотрудничеством с которым Симонов не прерывал до последних дней жизни».

Вспоминает один из авторов этого очерка, бывший фронтовой корреспондент «Красной звезды» П. ТРОИЦКИЙ: «Летом 1943 года, Северный Кавказ. Советская армия, начав наступление под Моздок, преследует противника.

В дом в станице Гудилевской, где мне пришлось ненадолго остановиться, входят Константин Симонов и фотокорреспондент Илья Халип. На их одежде, обуви, лицах и руках — жирная кубанская грязь. Наша хозяйка Мария Ивановна Новикова, пожилая казачка, вопросительно смотрит на гостей.

— Свой, мамаша, свои. Поздно вечером Симонов протирает листочек, вырвал, наверное, из тетрадки. Стихи! Читает:

«От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли,
С «лейкой» и блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли...»

Музыкальный Халип тут же подбирает мелодию одной известной песни и запевает. Мы с Симоновым подпеваем.

Взвуча хохотки, тридцатилетняя Рая, зачарованная глазами смотрит на нас. Мария Ивановна отошла от печи и, сложив руки на груди, слушает песню.

Нам с Халипом она тоже незнакома, но мы поем с удовольствием: симоновское слово отвечает нашему настроению. Это было первое исполнение песни «Корреспондентская застольная», которая потом получила известность среди фронтовых журналистов.

Когда мы кончили петь, Рая подошла к Симонову со пыльной тетрадкой:

— Напишите на память, пожалуйста...

Костя не может отказать и пишет песню в тетрадь.

Рано утром 12 февраля 1943 года наши войска освободили Краснодар. Вслед за передовыми частями в горящий город вошли и мы».

Из воспоминаний генерала Д. ОРТЕНБЕРГА: «Если партийность — душа газеты, то оперативность — ее пульс. Естественным и закономерным было для военной газеты во время войны быстро и наиболее полно и точно освещать события дня, сказать о них первое слово. Это требовало, понятно, большого труда и напряжения корреспондентского корпуса, тем более что по соседству работали такие газетные «зубры», как Борис Полевой в «Правде», Леонид Крутецкий в «Известиях» и Юрий Жуков в «Комсомольской правде»!

Несмотря на царивший среди газетчиков товарищеский дух, даже в войну им было трудно отказаться от того, чтобы «обскакать» своих коллег из других газет. К Симонову дух газетного соперничества пришел не сразу. Первое время стремление оказаться где-то самым первым он, по собственному признанию, рассматривал как «самостоятельное мальчишеское желание». Но прошло время, и он сам втянулся в газетные «скачки» за первенство. В одной из своих телеграмм, присланных в редакцию из Севастополя после его возвращения из осажденной Одессы, он предупреждает: «Высыла самолетом пять материалов.

И снимки. Не замедлите с напечатанием. «Известия» выехали Одессу делать полосу». На эту тему, как известно, Симонов даже сочинил веселую песенку «Корреспондентская застольная» с припевом: «И чтоб, между прочим, был фотил все прочим...»

«Цель моей жизни»

Вспоминает бывший военный фотокорреспондент ТАСС ЕВГЕНИЙ ХАЛДЕЙ: «Неправда, друг не умирает, лишь рязлом быть перестает... Неправда, вспоминаются эти строчки из стихотворения Константина Симонова, когда я перебираю его фотографии. Их очень много, и сделаны они были в разные годы, начиная с войны, в самых разных местах — в поездках, на встречах... За каждой из них мне будто слышится его голос, который не сплутать ни с каким другим, и события, далекие и близкие, словно оживают вновь».

Моя дружба с Константином Михайловичем ведет отсчет с 1941 года, с Северного флота. Потом наши дороги с Симоновым пересеклись в январе 1942-го, во время черенско-феодосийского десанта. То, о чем он писал, я снимал. Потом были Румыния, Болгария, Югославия... Военные журналисты и фотокорреспонденты, прочитав, говорили друг другу: «Ну до встречи в Берлине!» Для многих эта встреча была реальной, но кто-то до нее так и не дошел. А Константин Михайлович а сфотографировал у рейхстага.

Можно сказать, что всю свою жизнь Константин Симонов оставался журналистом и солдатом. Его влекли дальние края и люди, большие стройки и горячие точки. И снимал его всюду, куда приводили нас дороги: на перекрестки Енисея и у восточных Дальнего Востока, у оленеводов Чукотки и на Дамаскском... И это всегда были встречи с людьми, которых он искренне любил, труд которых глубоко уважал и почитал. Он был по-настоящему красивым человеком. Не только внешне — душой. И при всей своей мягкости, интеллигентности, доброте Константин Михайлович не мог мириться с проявлениями зависти человеческой, нечестности, подлости. Как на фронте, он всегда предельно поступкам людей самый строгий судья.

Вспоминается мне один случай под Вологодом. Машину, в которой мы с Симоновым ехали, ударили встречный грузовик. Наша машина перевернулась, и мы чудом уцелели. А шофер грузовика удрал. Его разыскивали, судили. И вдруг Константин Михайлович получает письмо от жены осужденного с просьбой облегчить участь мужа, потому как она осталась одна с малыми детьми. Но Симонов, и события мирного времени мерились мерками войны, не мог простить этого человека. Не потому, что история касалась его лично, а потому, что в трудную минуту человек проявил себя трусом. Однако это не помешало Симонову все годы, пока шофер отбывал наказание, материально помогать его семье.

Удивительный был человек. Для людей память о нем — в его книгах, для меня — в сердце и в фотографиях, которые путешествуют теперь в передвижной выставке по стране».

К. Симонов — читатель: «Если говорить о той общественной деятельности, которой я занимаюсь и которая непосредственно связана с моей писательской работой, я могу личным личным опытом, то еще несколько лет назад я сделал для себя окончательный выбор и решил до конца своей жизни класть все оставшиеся у меня силы на то, чтобы, во-первых, в меру своих сил и понимания, писать и говорить правду о войне; во-вторых, на то, чтобы, опять-таки в меру своих сил и понимания, мешать тому, чтобы о ней говорили и писали несправедливо; в-третьих, стремиться к тому, чтобы роль рядового участника войны, вынесенного на своем горбу ее главную тяжесть, предстала перед последующими поколениями и во всем ее полнотой трагизме, и во всем ее полнотой героизме. И, наконец, в-четвертых, я считаю своим личным долгом во всех тех случаях, когда я сталкиваюсь с несправедливостями, совершенными сейчас или раньше по отношению к тем или иным участникам войны, сделать все, что от меня зависит, чтобы, прибегая к помощи других людей, исправлять подобные несправедливости.

И первое, и второе, и третье, и четвертое — все это для меня связано в один узел, этим я занят и это является целью моей жизни».

СПРАВКА: По данным Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы, произведений писателя переведены на 37 иностранных языков. Уже более 40 лет на сценах советских и зарубежных театров идут его пьесы.

К. Симонов — читатель: «...Нельзя представлять себе дело так, будто все война состояла только из подвигов Гастелло и двадцати восьми панфиловцев! Гастелло был герой, панфиловцы тоже, но война состояла не только из этих подвигов, а из миллионов незаметных подвигов. И в атаку хохли по-разному, и «в бой за Сталина» кричали, и разное другое и умирали по-разному, а не только так, как это, очевидно, кажется Вам, — красиво и романтично. Молодежь надо воспитывать на правде о войне, а не на приподнятой романтике.

И сегодня, как и раньше, Зоя значит для нас бесстрашие, Матросов — самопожертвование. Панфиловцы — стойкость. Но как бы ни были бесконечно дороги нам эти имена, есть еще одно, не менее всех их славное имя — имя Неизвестного солдата.

Им мог оказаться каждый. Оно символ всех тех бесчисленных совершенных советскими людьми подвигов, подробности которых остались, а может быть, и навсегда останутся для нас неизвестными.

У нас, у живых, есть много человеческих прав. У нас есть право трудиться во имя Родины, соединенное с обязанностью стоять за нее в бою. У нас есть право на любовь, и есть право на дружбу, и есть право на счастье.

Но одного права у нас, живых, нет и никогда не будет. У нас нет права забывать о том, что сделали наши мертвые товарищи на имя победы, во имя Родины, во имя идеи коммунизма, во имя жизни на земле!»

В последние годы Константин Михайлович был смертельно болен и знал это. Но в его душе было столько энергии, столько силы, столько воли, что он продолжал работать до последнего часа, встречаясь с друзьями, путешествуя. Неважно до смерти он написал строки:

Полня трех дочерей и сына,
Пройдя сквозь девять пилеток,
Стал под напором медицины
Ходячим кладбищем таблеток!
И, чтоб не растапливал внуки,
Свой, уж давно целебный, прах,
Советский зашел на науку
Развешать на семи ветрах.

Писатель Л. ЛАЗАРЕВ: «Как он завелся, прах его развеял под Могилевом, на Буйницком поле, там, где в июле сорок первого он видел, как, прерывая путь печальным танкам, встала на смерть наша пехота — в артиллерийской. Чудом он выбрался оттуда. И всю жизнь, оступая на разрывную связь с тем, кто навеки остался на поле боя, как мог бы остаться и он. Прах его смешался с прахом погибших за Родину в сорок первом году. Он вернулся к ним — навсегда...»

Публикацию подготовили
Анатолий САФОНОВ,
Павел ТРОИЦКИЙ.
Фото Е. Халдея.

ФАКТЫ БИОГРАФИИ

Начало

Константин Михайлович Симонов родился в ноябре 1915 года в Петрограде, в семье военнослужащего, детство прошло в Рязани и Саратове, где окончил семилетку и школу ФЗО. В 1931 году вместе с родителями переехал в Москву. Работал токарем. В 1936 году в журналах «Молодая гвардия» и «Октябрь» были напечатаны первые стихи.

Служба

В 1939 году — военный корреспондент газеты «Героиче-

ская красноармейская» (Монголия). С осени 1940 года по июнь 1941 года учился на курсах военных корреспондентов при Военно-политическом академии им. В. И. Ленина, по окончании которых получил воинское звание подполковника второго ранга.

С начала войны до 20 июля 1941 года сотрудник газеты Западного фронта «Красноармейская правда». С 20 июля 1941 года до конца войны военный корреспондент газеты «Красная звезда». Активно печатался в «Правде», «Известиях», литературных журналах.

Награды

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, удостоен шести Государственных премий СССР — за песни «Парень из нашего

города», «Русские люди», «Русский вопрос», «Чужая тень», за книгу стихов «Друзья и враги», за повесть «Дни и ночи», в Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых — за фильм «Живые и мертвые». Награжден тремя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом «Знак Почета», чехословацким Военным крестом и орденом Белого льва. За участие в боях на Халхин-Голе удостоен монгольского ордена Сухэ-Батора.

Его именем

Имя поэта, писателя, драматурга, публициста, кино-сценариста Константина Симонова — на борту океанского теплохода. Об этом строки Майи Луговской:

На судьбу не будет жалоб,
Все идет актовым ходом.
В гости Симонов

позаботился — океанским теплоходом. Он светился у причала В новом качестве.

Жизнь начал своею сначала,
Ставши памятью народной.